

Большинству доводилось видеть во сне, как они падают с высоты. Ощущение возвращения души очень похоже на это.

Сначала некоторое время ощущаешь себя парящим в невесомости, затем в ушах раздается гулкий звук, всё тело сотрясает дрожь, а когда снова открываешь глаза — обнаруживаешь, что все еще лежишь на кровати.

Но возвращение души и сон — вещи принципиально разные. Я открыл глаза, и передо мной предстала ярко-желтая пелена: лицо было накрыто куском желтого шелка. Во рту ощущался прохладный вкус — судя по всему, там что-то зажали. Сквозь стенки гроба до моих ушей отчетливо доносился плач и причитания. Я пошевелил пальцами и выдохнул, заставив шелковую ткань слегка задрожать. Протянув руку, я пощупал левую грудь: сердце гулко и мощно билось. Верно, старина, посадка прошла успешно!

Ощущение того, как в нос поступает и выходит воздух, было поистине прекрасным. Желтая ткань то поднималась, то опадала, а я, сдерживая волнение, размышлял над тем, как бы начать беседу с действующими лицами моей второй жизни так, чтобы это не выглядело подозрительно. Не успел я как следует задействовать новые клетки мозга, как сверху донеслись урывками обрывки диалога:

— Время еще не пришло...

— Да почти уже, давайте заколачивайте гроб.

Заколачивайте гроб?! Мне что, слышалось про заколачивание гроба?!

— Но ведь как только гроб заколотят, следом придется...

— Стоит ли человеку, которому суждено умереть, переживать из-за каких-то пару часов? Я и сам хочу отправиться в путь пораньше, заколачивайте гроб.

Это действительно заколачивание гроба, я был потрясен. Другой голос, казалось, на мгновение замаялся, и деревянная крышка надо мной трижды глухо стукнула:

— Время пришло! Заколачивайте! Гроб!

Черт возьми, неужто и правда заколачивают?! Смех да и только! Я с таким трудом отыскал превосходнейшую оболочку, чтобы вернуть душу, так неужели не успев насладиться жизнью, должен задохнуться в гробу и снова стать мертвецом, затаившим обиду?! Я резким пружинистым движением вскочил, головой отбросил крышку гроба, сорвал желтый шелк, разинул рот, выплюнул нефритовую пластинку и заорал во всю мочь:

— Не заколачивайте! Я снова жив!

Вокруг воцарилась абсолютная тишина. Опершись о края гроба, я окинул взглядом собравшихся. В траурном зале, сплошь белевшем от одеяний из грубой ткани и конопли, все замерли столбами на мгновение. Тот, кто держал глиняный горшок, отреагировал быстрее всех — сосуд с громким звоном рухнул на пол:

— Ой мамочки! Младший ван ожил!

Столбы мгновенно превратились в кипящий котел с раскаленным маслом. Тот, кто держал горшок, взял на себя роль запевалы, и вся толпа густой тучей бросилась к выходу.

— Помогите! Скорее позовите даоса! Время нынче неблагоприятное — младший ван восстал из мертвых!

— Спасите! Восстание мертвецов! Младший ван ожил!

Я встал, перешагнув через край гроба, собираясь успокоить народ и заверить, что это возвращение души, а не поднявшийся мертвец. Но стоило мне выставить одну ногу за пределы гроба, как несколько тех, кто бежал медленнее остальных, тут же рухнули на землю. Один из них, тряся обеими ногами, отчаянно застучал лбом о пол:

— Младший ван, младший ван... Раб знает, что вы умерли с обидой... У каждого долга есть свой кредитор, а у каждого зла — свой зачинщик... Сяо Шунь всегда был предан вам больше всех... Император уже отдал приказ: сегодня же во второй половине дня перед вашей могилой Ван Жуя предадут медленной смерти через сожжение... Все молодые господа последуют за вами на тот свет в качестве погребальных жертв, ступайте же с миром... С миром...

Я беспомощно судорожно усмехнулся:

— Не бойтесь, я не восстал из мертвых. Я снова жив. Не верите — пощупайте, моя рука горячая, а не холодная.

Я протянул руку и перенес через край гроба вторую ногу. Сяо Шунь тут же издал вопль отчаяния и, перекатываясь и цепляясь за землю, умчался прочь.

Остальные парализованные страхом тоже зашевелились и бросились врассыпную, штурмывая двери. На земле остался лишь один старик с седой бородой. Остекленевшим взглядом он уставился на меня и, вытянув указательный палец, дрожаще указал в мою сторону. Полагая, что выгляжу крайне дружелюбно, я подошел к нему и взял старика за руку:

— Моя рука горячая.

Старик закатил глаза, изо рта у него пошла пена, и он рухнул без чувств.

Закатив глаза, я помимо воли потер нос:

— Черт побери, как же меня угораздило вляпаться в такое!

Чей-то голос — ни холодный, ни теплый, неторопливый и ровный — донесся у меня из-за спины:

— Ван внезапно вернул душу, слуги не видали подобного, так что испугаться для них — дело вполне естественное, ван не извольте гневаться.

Как только эти слова сорвались с губ, я даже вздрогнул от неожиданности. По звучанию голос отдаленно напоминал того самого, кто собирался заколачивать гроб. Повернувшись на звук, я увидел у полотнища похоронного знамени позади гроба какого-то парня, тоже облаченного в белые траурные одежды. Стоило мне взглянуть на его выражение лица, как я тут же проникся глубочайшей благодарностью. Это был абсолютно осмысленный взгляд живого человека, да и держался он так, будто беседует с живым. Испуская восторг партизана, нашедшего организацию коммунистической партии, я бросился вперед и крепко схватил его за руку:

— Ты веришь, что я живой?! Вот и прекрасно! Посмотри, моя рука горячая, я и впрямь живой! Какое счастье, что ты поверил мне первым! Скажи на милость, как твоя фамилия?

Как только эти слова слетели с моих губ, я мгновенно осознал, что натворил дел. Судя по только что сказанному и белым траурным одеждам, этот человек определенно принадлежал к Княжеская резиденция. К тому же, судя по его миловидной внешности и незаурядному манеру держаться, он явно занимал далеко не последнее положение. К счастью, я, Ма Сяодун, благодаря многолетнему опыту импровизации вовремя исправил положение: заметив, как чуть-чуть дрогнули его брови, я с прежним жаром добавил:

— Должно быть, ты прекрасно меня знаешь, не будешь ли столь любезен подсказать, кто я такой?

<http://bllate.org/book/25021/2958954>